

КУЛЬТУРА И ДУХОВНОСТЬ

Уважаемые товарищи депутаты! Здесь у нас невольно выявилось противопоставление между нами, между теми, кто прошел конкурентные многомандатные бои, и теми, кто пришел от общественных организаций. Не раз за эти дни приходилось слышать, что одни — это избранные народа, а другие — посажены, чтобы тормозить активность перестройки. Я тоже считаю, что Закон о выборах несовершенен и со временем должен быть изменен в пользу только окружной системы. Разве это нормально, когда один человек голосует дважды или даже трижды, а бывает, и четырежды: у себя в округе, где-нибудь в Фонде культуры, в Союзе писателей, а потом еще и в Академии наук. Такого, естественно, не должно быть. (Аплодисменты). Однако чем дальше заходят наши дискуссии, тем больше убеждаюсь я в том, что на начальном этапе демократических выборов представительство от общественных организаций было необходимо. Во имя плюрализма, о котором мы много говорим как об условии демократического существования, потому что перестройка вступила сейчас в такую стадию общественного развития и поднялась на ту вершину, где обитают ястребы, которые пытаются монополизировать ее хозяевами. А всякого, кто не согласен с ними, объявляют врагом перестройки.

Самое употребительное выражение на Съезде — антиперестроечные силы. Мы слышим, что, если перестройка — это революция, то должна быть и контрреволюция. С контрреволюцией, как сами понимаете, разговор бывает особый, без всякого плюрализма. Когда ястребы придут к власти, они постараются создать и государственную систему подавления контрреволюции, а пока на пути к власти вводятся, и вводятся довольно успешно, система общественного подавления.

Дело не в расхождении, которые неизбежно появляются в процессе развития и которые по мере развития могут быть сближены или устранены. Дело куда как в большем: в судьбе перестройки и демократии. Мне понравилась прозвучавшая здесь мысль Олжаса Сулейменова: если все время загребать слева, непременно пристанешь вправо. Это не просто образ, а закон действия всякого поворотного механизма, в том числе и общественного. У Платона, древнегреческого философа, есть по этому поводу замечательные слова. Цитирую: «Тирания возникает, конечно, не из какого другого строя, как из демократии. Иначе говоря, из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство». Так вот, чтобы этого не произошло, чтобы демократия в нашей стране утвердилась раз и навсегда, нет ничего предосудительного в том, если в обществе является необходимость сдерживания «безумства храбрых». Пропетая ему, этому безумству, песня привела в свое время к трагическим результатам. Теперь из одной пропасти оно способно толкнуть нас в другую. Так что поосторожнее с антиперестроечными силами. К ним, по всей логике вещей, в первую очередь вас и следует отнести.

Плюрализм возможен как разность и многообразие общественных и политических мнений. Вы навязали стране плюрализм нравственности. Вот это поопаснее всяких бомб. Общество или поддерживает нравственность, или не поддерживает ее. Третьего пути не бывает. Раздававшиеся здесь робкие голоса о главенствующем значении в любой цивилизованной стране культуры и духовности, как мне показалось, были пропущены мимо ушей. Нас больше занимает различное законодательное кроличество. Упаси меня боже быть против разумных поправок к Конституции и законам. Я только был бы удивлен, если бы новая Конституция вслед за сталинской и брежневской стала евтушенковской. (Аплодисменты). Повторяю, я не против всяких разумных поправок... Для того мы здесь и собрались. Только во имя души, достоинства, культурного и нравственного облика народа их пока не было. Хлеба и зрелищ — вот что исподтишка записали сейчас на знаменах перестройки.

В зрелищах мы уже преуспели, притом в зрелищах самого сомнительного свойства. Идет почти открытая пропаганда секса, насилия, освобождения от всяких нравственных норм. Сейчас время трагедий, которые следуют почему-то одна за другой. Но заметили ли вы одну закономерность? Только смокнет голос диктора, объявляющий о человеческих несчастиях и жертвах, как экранный эфир заполняет какофония бесоватой музыки. Но нам все равно, мы свободны от морали и от сопереживания. Куда дальше? Орган Детского фонда имени Ленина еженедельник «Семья» из номера в номер печатает детскую сексуальную энциклопедию в картинках, от которых даже взрослому становится не по себе. Вероятно, в таком воспитании

Выступление народного депутата СССР, писателя, секретаря правления Союза писателей СССР В. РАСПУТИНА на Съезде народных депутатов СССР

председатель фонда и редактор журнала видят свою миссию спасения обездоленных детей. «Злу не положено предела», — говорили древние, и истина это подтверждается, подтверждается все более и более. Не знаю, как грузинской депутации, а мне не по себе стало, и я счел это святотатством, когда красотки в плавках, участницы очередного конкурса красоты, кокетливо застыли в минуте молчания в память о погибших в апрельских событиях. Неужели подобный цирк не оскорбляет ваши национальные чувства?

Со зрелищами, как видите, все в порядке. А если добудем еще хлеб, замешанный не на поте и нравственности, а приобретенный в полном ассортименте распродажи национальных богатств, недалеко будет и до повторения судьбы Римской империи. Здесь, помнится, кто-то строга взыскавал с товарища Лукьянова за рост преступности. Причин много, что и говорить. Но одна из главных, может быть, самая главная — нравственная разнузданность и похотливость, неразборчивость и сквернолюбие средств массовой информации, особенно молодежных изданий и программ. (Аплодисменты). Все это мутным потоком хлынуло в книги, кино и театры и принялось обслуживать индустрию развлечений, паразитирующую на человеческих пороках. Наша молодежь бесмысленно гибла в Афганистане, столь же бессмысленно она калечится в необъявленной войне против нравственности. Призывов стать лучше в таких случаях недостаточно, нам необходим закон, который бы закрепил и взял под охрану нравственность и запрещал пропаганду зла, насилия и пороков. Когда-нибудь мы пожалеем, что пренебрегли столь важной наукой в это переломное время, как социальная психология. Знание этой науки, позволяющей учитывать настроения людей, способно принести самые неожиданные и удивительные результаты.

У нас в обществе вместе со здоровой создается в последнее время активность, из которой изымается гражданское патристическое содержание и которая переводится в русло нигилизма и высокомерных притязаний. Неправое, как известно, всегда активнее и организованнее. В ходе предвыборной кампании определенных групп улавливалось некоторыми кандидатами с чувством барометра. Стоило кому-нибудь из них выложить партибилет, как популярность его взмывала сразу будто на крыльях. (Аплодисменты). Я не член партии и сознательно не вступал в нее, наблюдая, как много пробивается туда разного рода корыстолюбцев. Состоять в партии было выгодно. Потому она и потеряла свой авторитет. Сейчас состоять в партии стало невыгодно, более того, опасно. И оставлять ее в такой момент отнюдь не мужество, как преподносится неискушенным людям, а тот же самый расчет, который прежде вел в партию. (Аплодисменты). Мужеством это было бы десять или даже пять лет назад, только не рано ли побежали вы с корабля, не подводит ли чутье тех, кто считает корабль обреченным? (Аплодисменты). Юристы не однажды объясняли нам здесь такие тонкости своего предмета и показывали столь ювелирное знание законов, что сердце радовалось. Есть такие специалисты, недалеко и до правового государства, но как быть, товарищи юристы, с такой заковыкой, отнюдь не тонкого свойства, когда ваш коллега в интересах избрания в депутаты подбрасывает сенсацию, связывая с преступностью имя из самого верхнего эшелона власти? Разве тайна следствия уже не существует, разве презумпция невиновности, или как это у вас называется, отменена уже? (Аплодисменты).

В неправовом государстве, в котором мы долго пребывали, когда генерал и член Политбюро могли чувствовать себя в безопасности, а в том правовом, к которому, судя по всему, вы нас ведете, ни высокопоставленные особы, ни тем более самый простой человек, если он высказал инакомыслие или не угодил кому-то, не свободен будет колы не от фзического, так от морального уничтожения. От клеветы и машиношельства, которые ничем не лучше машины четвертования и которые, похоже, уже пущены в ход. (Аплодисменты). А не все ли равно,

от чего погибать приговоренному — от государственного террора или от террора среды в государстве, где, возможно, формально станут соблюдаться писанные законы.

К сожалению, Вы не ответили, Михаил Сергеевич, на заявление депутата Роя Медведева, будто всякий раз, когда Вы отлучались из Москвы, да если Ваше отсутствие совпадало с отсутствием Александра Николаевича Яковлева, то создавалась обстановка, близкая к государственному перевороту. В связи с этим я хочу спросить Вас: так ли это? И была ли очередная опасность государственного переворота в период последнего Вашего визита в Китай, где Вы находились одновременно с Александром Николаевичем? Если таковой злоумышленник в Политбюро существует, то почему Политбюро с ним мирится? А если обвинения депутата Медведева беспочвенны, почему Вы об этом не скажете? Разве не видно, что в борьбе за власть, которая ни для кого здесь не является тайной, намечена к устранению первая фигура, против которой давно ведется организованная кампания. Нет нужды напоминать Вам, кто станет следующим. (Аплодисменты). Все это, уважаемые товарищи депутаты, увя, уже было.

Слишком много в атмосфере нашего Съезда узнаваемо. Появляются у нас свои керенские, Милоуков, Гучков, Чхеидзе — я надеюсь, что грузинская делегация грузинскую фамилию не свяжет с собой. Со временем обозначатся и другие. Слышны порой призывы Государственной думы, те же пляски на процедурных вопросах, срывающих обсуждение важных дел, то же стремление навязать свою позицию, та же страсть к сильным выражениям. Помните, обвинили в государственной измене сначала военного министра, а когда это сошло с рук, обвинили в том же императрицу, остальное было делом техники. Не мною сказано, но кстати повторить здесь в небольшой редакции знаменитые слова: «Вам, господа, нужны великие потрясения — нам нужна великая страна». (Аплодисменты).

О стране. Никогда еще со времен войны ее державная прочность не подвергалась таким испытаниям и потрясениям, как сегодня. Мы, россияне, с уважением и пониманием относимся к национальным чувствам и проблемам всех без исключения народов и народностей нашей страны. Но мы хотим, чтобы понимали и нас. Шовинизм и слепая гордыня русских — это выдумки тех, кто играет на ваших национальных чувствах, уважаемые братья. Но играет, надо сказать, очень умело. Русофобия распространилась в Прибалтике, Грузии, проникает она и в другие республики, в одни меньше, в другие больше, но заметна почти повсюду. Антисоветские лозунги соединяются с антирусскими. Эмиссары из Литвы и Эстонии едут с ними, создавая единый фронт, в Грузию. Оттуда местные агитаторы направляются в Армению и Азербайджан. Это не борьба с бюрократическим механизмом, это нечто иное. Здесь, на Съезде, хорошо заметна активность прибалтийских депутатов, парламентским путем добивающихся внесения в Конституцию поправок, которые позволили бы им распространиться с этой страной. Не мне давать в таких случаях советы. Вы, разумеется, согласно закону и совести, распорядитесь сами своей судьбой. Но по русской привычке бросаться на помощь я размышляю: а может быть, России выйти из состава Союза (Аплодисменты), если во всех своих бедах вы обвиняете ее и если ее слаборазвитость и неуклюжесть отягощают ваши прогрессивные устремления? Может, так лучше? Это, кстати, помогло бы и нам решить многие проблемы, как настоящие, так и будущие. (Аплодисменты).

Кое-какие ресурсы природные и человеческие у нас еще остались, руки не осыхли. Без боязни оказываясь в националистах мы могли бы тогда произносить слово «русский», говорить о национальном самосознании. Отменное бы, глядишь, массовое расление душ молодежи. Создали бы наконец свою Академию наук, которая радела бы российским интересам, занялась нравственностью. Помогли народное собраться в единое духовное тело.

Поверьте, надоело быть козлом отпущения и сносить

издевательства и плевки. Нам говорят: это ваш крест. (Аплодисменты). Однако крест этот становится все больше неподъемен. Мы очень благодарны Борису Олейнику, Иону Друце и другим делегатам из республик, кто сказал здесь добрые слова о русском языке и России. Им это позволено, нам — не прощается.

Нет возможности сейчас подробно объяснять, да вы это и сами должны знать, что не Россия виновата в ваших бедах, а тот общий гнет административно-промышленной машины, который оказался для всех для нас пугающей монгольской ига и который и Россию тоже унизил и разграбил так, что она едва дышит. Нет нужды в подробных разъяснениях, но мы просили бы вас: жить нам вместе или не жить, но не ведите по отношению к нам себя высокомерно, не держите зла на того, кто его, право же, не заслужил. А лучше всего вместе было бы нам поправлять положение. Для этого сейчас, кажется, есть все возможности. (Аплодисменты).

Верно и то, что в межнациональных сложностях сейчас виновата во многом вот эта промышленная машина, уничтожающая природу. Я согласен с тем, что предлагал здесь не запугивать без особой нужды депутатов, а значит, и всю страну, которая не отрывается от телевизоров, тягестями нашего положения. Запугивать не нужно. Но есть одна самая главная, изначальная сторона нашего существования, где, что бы вы ни сказали, как бы ни пытались преувеличить картину, все будет мало. Речь идет об экологии. Слово это самой природой давно уже начертано не зеленой, а черной краской. Мы пытаемся строить новое, справедливое государство. А для чего его строить, если годы наши при таком отношении к природе сочтены? Госкомприроды не справляется со своими функциями, и при его подчиненности не может справиться. Пока не поздно, необходимо вывести его из бесправного положения и передать Верховному Совету. (Аплодисменты).

Все широкомасштабные природопреобразующие проекты нужно обсуждать в комиссии Верховного Совета и выносить на окончательное утверждение Съезда. Иначе — пропадеешь, иначе снова и снова будут появляться у нас правительственные постановления, принятые тайно от народа, как, например, постановление о строительстве в Тюменской области пяти нефтегазохимических комплексов, разорительных для страны, чрезвычайно губительных для природы, но, вероятно, выгодных иностранным фирмам. Иначе нельзя будет покончить с практикой принятия проектов без экологической экспертизы.

И под конец, я бы хотел обратиться к Николаю Ивановичу Рыжкову. Будучи в Алтайском крае, Вы, Николай Иванович, как нам кажется, введенный в заблуждение толкачами строительства Катунской ГЭС, публично на всю страну согласились, что да, строить надо. Затем на встрече в крайком партии Вы оговорились: при условии положительной экологической экспертизы. Однако эти Ваши слова слышали лишь те, кто не хотел их услышать, а первые — прозвучавшие по телевидению — были приняты руководством к действию. Нас, многих депутатов, потому и забрасывают телеграммами и письмами с тысячами подписей коренного алтайского населения и десятками тысяч — тех, кто болеет за Алтай, потому и забрасывают, что именно в эти дни экспертная комиссия Сибирского отделения Академии наук и Госплан РСФСР принимают решение об одобрении строительства и, таким образом, об уничтожении последнего уникального природного комплекса Сибири. Мы просим Вас: разберитесь внимательно с катунским делом. Нам, нескольким депутатам, участвовавшим в создании байкальского движения, по сохранению пресной воды, пришлось на два дня оставить Съезд, чтобы провести очередное заседание этого международного движения. Мы посмотрели там фильм, переведенный японцами, — о болезни, вызванной органической ртутью. Фильм жуткий, волосы становятся дыбом от страшных картин, показывающих мучения и масштабы бедствия. В районе Катунской ГЭС есть месторождения ртути. Они до сих пор вызывали у ученых сомнения, которые, боюсь, исчезли после Вашего, Николай Иванович, невольного вмешательства.

У нас на Ангаре вот уже несколько лет на гидростанциях спускается вода. Некуда девать электроэнергию. Может быть, вместо того, чтобы губить Катунь, передать эту энергию на Алтай? Да есть ведь и другие способы.

Закончить я хотел бы тем, что если уж мы вводим практику всенародных референдумов, то первый референдум хорошо бы провести по вопросу существования атомных станций. Спасибо. (Аплодисменты).